

Г. С. Вртанесян

КАЛЕНДАРНАЯ СИМВОЛИКА У ТУНГУСОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ПРИАМУРЬЯ

Учитывая повод, которому были посвящены IX Сибирские чтения, считаю своим долгом выразить свое отношение к памяти Надежды Всеволодовны Ермоловой. Несмотря на очень короткий срок, который ей отвела судьба, она успела сделать для тунгусоведения очень много. Во всех ее работах есть элементы новых подходов к решению старых проблем, но особенно хочется выделить две: первая касается «речной модели» мироустройства, известной и у других народов Сибири, вторая — влияния на материальную и духовную культуру западных эвенков южносибирского компонента (этот фактор нашел отражение и в календарном мифе). И, конечно, тунгусоведы должны быть всегда благодарны ей за биографическую статью, к сожалению последнюю, открывшую нам неизвестные страницы жизни Г. М. Василевич. Благодарность им и светлая память.

Календарные символы (маркеры времени) — часть календарного мифа. Это совокупность мифов о циклическом ходе времени в природе, соотношенная с особенностями климата в период их формирования. Отражая сезонные изменения в природе, он включает данные о состоянии флоры как основы пищевой цепи, воды (лед, снег и др.), особенностях (нерест, гон, отел и др.) поведения видов фауны, являющихся основой выживания в данное время года. Луна и Солнце — древнейшие инструменты исчисления времени. Именно они и созвездия, имевшие характерную конфигурацию или время видимости, совпадающие со временем сезонной активности или миграций «живой еды», становились календарными символами. Можно выделить ряд зооморфных

календарных символов, характерных как для выбранного региона, так и для Северной Азии в целом.

Хотя современные представления об этногенезе тунгусов все больше склоняются к точке зрения М. Г. Левина [1958: 197–199] о локализации их прародины в Северном Забайкалье и Приамурье, пока нельзя исключить вклад в этногенез эвенков древнейших обитателей Прибайкалья (субстратное влияние). Может быть, поэтому календарная символика населения энеолита — ранней бронзы Прибайкалья, Ангары и Верхней Лены (китойцы, глазковцы) вполне органично вписывается в мифологическую картину мира, особенно западных эвенков.

Важную роль лося для выживания таежного населения Северной Евразии с конца неолита до эпохи раннего железа подтверждает археология, это отразилось и на видовом составе наскальных зооморфных изображений. Основную часть образов лося в Северной Азии представляют наскальные изображения (около 1300). Рогатые лоси составляют примерно пятую часть наскальных изображений в Северной Азии, а с фаллом — менее одного процента. Всего 5 изображений лося на Байкале и 38 — в приамурской тайге [Маркдорф 1999: 4–10]. Достоверное соотнесение изображений лосей с определенным сезоном года возможно при наличии ряда признаков (расположение животных на парных изображениях, наличие рогов и др.), но взрослые лоси сбрасывают рога к зимнему солнцестоянию [МСССР 1961: 283]. А. П. Окладников большинство изображений лосей в Северной Азии датировал неолитом–энеолитом, но сейчас существует тенденция к существенному «омоложению» этих дат (см., например: [Мартынов 1997: 18–22; Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон 2005: 54, 55]).

Находки фигурок рыб (мелкая пластика, камень и кость) подтверждают доминанту рыболовства у населения Байкала эпохи неолита (китойские) и энеолита — ранней бронзы (глазковские — налим, омуль) [Студзицкая 1976: 77–83; Горюнова, Новиков 2012: 84–87]. Анализ биологической активности омуля показал, что начало его нереста совпадает с осенним равноденствием и началом зимнего сезона. Нересту налима отвечает время видимости Ориона, а пик икромета совпадает с периодом кульминации Бетельгей-

зе (араб. «плечо великана») и зимним солнцестоянием, поэтому понятно обилие находок каменных и костяных фигурок налима на памятниках глазковской культуры [Вртанесян 2013: 113]. То есть «опорные точки» биологического цикла налима соотносятся и с «месяцами плеча» (ноябрь и март) и макушки головы («*ħaĵa*»), известных из календарного счета по частям тела у эвенов. Фрагменты счета по частям тела (месяцы «запястья, плеча, локтя») есть почти во всех календарях тунгусов [Петрова 1937: 82–90; Василевич 1969: 43; Вртанесян 2012: 79–81]. Другим народам севера Азии счет по частям тела неизвестен, кроме групп, контактировавших с эвенами [Линденау 1983: 97; Петрова 1937: 86, 87].

Другой знаковый образ — бурый медведь — представлен гораздо меньше, единичны его изображения как в мелкой пластике (всего шесть находок голов медведя из кости в Восточной Сибири [Морозов 2012: 14]), так и в наскальном искусстве (не более двадцати, по подсчетам автора). Выбор медведя в качестве календарного символа мог быть обусловлен тем, что гон медведей завершается к летнему солнцестоянию, рождение медвежат обычно приурочено к зимнему солнцестоянию. Внешние признаки гона — раскрытая пасть и вздыбленная шерсть — фиксируются на наскальных изображениях медведей в Сибири (Шишкинская, Арбинская и др.) [Окладников 1959: 98; Окладников, Мазин 1976: 181]. На некоторых из них есть изображение круга («солнце») перед пастью медведя — указание на осеннее равноденствие [Вртанесян 2013: 113, 114]. Изображения солярных знаков (круг, крест) у головы или на спине зверя (медведя, лося или фантастических хищников) — известный прием в наскальном искусстве.

Эту совокупность обстоятельств (доминанта образов безрогих лосей, малое число изображений медведей, видовой состав рыб — налим, омуль — вместе с особенностями их биологических циклов) можно считать указанием на основополагающую роль зимнего сезона в календарных мифах населения Восточной Сибири и Приамурья. Этот вывод в целом понятен и даже ожидаем, если помнить о традиции исчисления времени по зимам у народов Северной Азии (см., например: [Петрова 1937: 106]).

Календарные циклы в виде зооморфных символов, расположенных в круге, известны (промысловый календарь коми с девятью фигурами животных на бронзовом кольце [Конаков 1990], рубеж I–II тыс. н.э.). Подобная трактовка — как сезонных календарей — возможна и для двух композиций на резных досках (нанайцы, начало XX в., коллекции А. П. Окладникова (МАЭ) и М. Я. Черемных). Доски вывешивались на двери с наружной стороны дома. На одной из них изображены два фронтально расположенных рогатых лося (отражение времени гона, начало зимы), под ними — «ящерица и лягушка». На второй доске изображены медведь, лось, лягушка и ящерица. Лягушка на обеих досках «движется» по часовой стрелке, а «ящерица», медведь и лось — против нее. Важная деталь — над фигурой медведя изображена цепь из девяти звеньев [Иванов 1954: 253]. Появление ее над фигурой медведя на этом сюжете — отражение и другого канона, возможно, имеющего отношение к счету времени. Например, число основных промысловых животных у хантов равнялось девяти [Кулемзин 2004: 66]. Полноценный календарный анализ семантики этих образов для выявления каких-либо числовых параметров невозможен в рамках данной работы, уточним лишь детали, касающиеся видового состава. Животное, названное «ящерицей», на наш взгляд, выдра, ее высокий статус (дух-хозяин нижнего мира) известен не только у тунгусов, но и у других народов Севера (притом о ящерицах мифы молчат). Принося два помета в год (весной и осенью), предваряющих нерест, она доминировала в северных водоемах, нападая даже на крупных щук. Изображение выдры есть на одной каменной янусовидной глазковской рыбе [Вртанесян 2013: 113, 114]. В кольцевом календаре коми изображение выдры занимало место между фигурками лося и лисы. На календаре коми — лось и выдра «двигаются» по часовой стрелке, медведь — против [Конаков 1990: 105], что пока не дает возможности сопоставлений. Не касаясь возможных причин, по которым изображений лягушки (в отличие от рыб или змей) нет в наскальной живописи, заметим, что в обряде медвежьего праздника у нивхов она занимает важное (злой «гений» медведя и причина его гибели), но неясное место. Ее

изображение было вышито на повязке для «осушения слез медведя», надеваемой на морду зверя в конце обряда [Шренк 1903: 82, 86]. Кстати, изображения «медведей» в прикладном искусстве хантов [Иванов 1954: 56, рис. 37-1, 2] неотличимы от изображений лягушек (положение ног и подромбовидная форма головы) на указанных досках. Убитого медведя нивхи изображали в вытянутой позе и с «конусовидной» головой [Там же: рис. 246–248]. Особая семантика связей образов «медведь–лягушка» видна и из обско-угорских и селькупских материалов [Соколова 1975: 151–154; Казакевич 2002: 484, 485].

В связи с этим интересно следующее. В более чем двух десятках календарей эвенков [Василевич 1969: 43] нет ни одного (!) месяца с названием лося, и только в одном назван медведь (берени бега — гона медведей месяц) [Мазин 1986: 122–124]. И это совмещено с многочисленными вариантами небесной охоты, в которых основной герой — Небесный Лось [Василевич 1959: 160–167]. Имеются очевидные основания включить их в поле календарного мифа. Опуская пересказ известных сюжетов небесной погони, заметим, что они содержат как минимум две календарные схемы (это обстоятельство обычно выпадает из поля зрения исследователей, поэтому уместен их краткий анализ). Вариант небесной охоты с участием Манги (удалец, сын великана) скорее описывает ситуацию с зимним солнцестоянием, на это прямо указывает ряд деталей. Достоверная локализация участников небесной погони возможна, если привязать их к определенной системе (оси) отсчета — это Млечный Путь, с наилучшей видимостью именно зимой. Если Лося в мифе можно соотносить с созвездием Большой Медведицы (лабаз, вешало и в целом символ запасов зимней еды), расположенным справа от Млечного Пути, то кандидатов на роль охотника намного больше. Максимальны шансы Ориона (сходство конфигурации созвездия с лучником-великаном, нашедшее свое отражение в мифах), и кроме того, он находится слева от Млечного Пути, который в это время ориентирован с юго-востока на северо-запад. Также выполняется условие трехглазости «сына великана» (Пояс Ориона). В день зимнего солнцестояния происходит «рождение» («возвращение»

унесенного Лосем) «нового» Солнца на юго-востоке неба, при этом Орион находится слева, а Большая Медведица — справа от Млечного Пути. В силу реалий (спячка) медведь в роли охотника в этой схеме исключен. Вторая схема — разорванный медведем лось — дань реалиям: охоте по насту в апреле–мае, поэтому пара «охотник–лось» в составе «Волопас — Б. Медведица» вполне приемлема. Альфа Волопаса — Арктур (др.-греч. «стерегущий медведицу», одна из наиболее ярких звезд) — круглый год видна на севере, особенно хорошо весной, когда находится в южной части неба, но он не отвечает остальным условиям, которые имеются в описании легенды — расположению созвездия на середине Млечного Пути, где медведь «нагоняет» лося или его восход на северо-востоке [Щеглов 1996: 102–106].

Эти схемы различаются и по своей семантике. Первый миф — календарный, повторяющийся. Второй — миф первотворения, основанный на расчленении первожертвы (параллель — авестийский бык Гауш Урван), и в нем нет даже намек на спасение Солнца — основа канвы первого сюжета. Вспомним южносибирские параллели небесной погони. У шорцев Кан Ергек, преследуя лося с большими рогами (начало зимы), обскакал за ним три раза землю на бело-сивом коне и с девятью собаками ($3 \times 9 = 27$ — сидерический лунный месяц). Лось спасается на небе, превращаясь в созвездие [Дыренкова 1940: 283]. Большие рога лося маркируют начало зимнего сезона — осеннее равноденствие. За лосем на небо следует уставший бело-сивый конь, символ старого солнца. Инверсия ролевых функций персонажей в шорском мифе — вещь достаточно прозаичная. Троичный код (три маралухи, — Пояс Ориона) использован и в других вариантах мифа [Потанин 1881: 125].

В сюжетах небесной погони (по Г. М. Василевич) есть два, потенциал которых, по мнению автора, пока еще не вполне оценен. Это история незадачливого Чакиптылана, которого Экшэри (дух верха) за промах (попадание в ногу, а не в сердце лося) обрек на неподвижность (и гниение), расположив его между ногами Небесного лося и Млечным Путем [Василевич 1959: 162]. Этимология корневой части его имени *чакы — «след, тропа, протоп-

танная на снегу» [ССТМЯ 1977: 378], вторая *тыл — язык; *тылга* — болтать языком (якут.) [ЯРС 1972: 419], то есть речь об «эпическом ходе», протоптавшем Млечный Путь. Соотнесение его с Плеядами [ССТМЯ 1977: 378] в силу реалий проблематично [Щеглов 1996: 102, 103]. В другом варианте мифа небесной погони (зейские эвенки) Хэглен — сын охотника Манги. Во время охоты на лося с собакой Хэглен, не желая смерти лосю, ловит собаку и, проклятый отцом, превращается в Небесного Лося [Василевич 1959: 163]. В этих сюжетах вполне узнаваем «основной миф» индоевропейцев — противодействие отцу или прямой конфликт с ним в виде помощи его противнику (Змею или в нашем случае — Лосю, «уносящему» солнце). Наказание за это — проклятие, обрекающее сына на бездетность (и соответственно вечную жизнь!) или неподвижность — в форме заключения в скалу. Мухр («новое» солнце) раз в год выходил из «Вороньей скалы», куда был заключен (армянская мифология) [Мухр 1992: 160], — образное представление зимнего солнцестояния (тьма = ворон). Близкий сюжет есть и у орочей: Манги, сын создателя Вселенной Хадау, уходит в буни (низ, тьма) или со своей женой Омоко превращается в камень [Шаньшина 2000: 50]. Продолжая сопоставления, отметим, что космогонические мифы народов Амура (нивхов, нанай и др.) основаны на факте избытка солнца (три солнца, Хадо — лучник и др., детали см.: [Там же: 37–47]).

Отметим одно обстоятельство, выпадающее из поля зрения практически всех исследователей небесной погони. В мифах, условно говоря, зимнего, охотничьего цикла, неразрывно связанного с погоней, цель которой — «возврат» солнца, есть множество вариантов с участием разных созвездий в роли охотника или добычи (Орион, Большая Медведица, Кассиопея, Плеяды и др.). Но все без исключения мифы народов Приамурья с проблемой «избытка» солнца молчат о звездах — отсюда ожидаемый вывод, что в них описаны две календарные ситуации. Первая — «зимняя», с погоней, динамикой, а вторая — «летняя», статичная (засада). Второму случаю ближе Индра, сбивающий Солнце на зените его мощи [Афанасьев 1865: 718]. Можно было бы свести к типологии близость сюжетов и деталей календарного мифа

эвенков с разными вариантами «основного мифа», если бы не одно важное обстоятельство — появление в начале II тыс. до н.э. в Сибири новой календарной символики: змей, хищных птиц, антропоморфных фигурок, в целом не свойственных эпохе неолита–энеолита Сибири.

Речь идет о символе «парные змеи», фланкирующие «центр», в виде «косого» креста, составленного из двух шевронов, на фрагменте керамики из Улан-Хада (VIII слой, РБ, нач. II тыс. до н.э., глазковская культура) [Петри 1916: рис. 19]. По-видимому, это первое появление в Сибири композиций типа «пара и центр», известных в Передней Азии еще из материалов Чатал-Гуюка (сидящая «матрона со львами»). Изображение парных змей есть и на шиверском бронзовом жезле [Окладников 1975: 122, рис. 35]. Другие знаковые находки с сюжетом «парные змеи» более поздние и связаны с культурами окуневского круга. Это «солнцеголовая» персона на «аскизской» стеле, на ее корпусе изображены две змеи, и еще две фланкируют изображение с боков [Вадецкая, Леонтьев, Максименков 1980: табл. XXXV–32]. Две пары змей, изготовленных из лосиных ребер, лежали на лучевых костях рук погребенного в могильнике Сопка-2 (погр. 4, к. 1, кротовская культура), датируемого началом II тыс. до н.э. [Молодин 1985: 57]. Особенно ярко выражены образы змей в окуневской культуре, где они стали частью образа «фантастического» хищника [Савинов 2006: 177–181; 2007: 258–262].

Искусству Северной Азии эпохи неолита–энеолита сюжет «змеедержец» (snake-holder) неизвестен, поэтому истоки этого образа надо искать в археологических культурах рубежа III–II тыс. до н.э. Ими вполне могли быть культуры бактрийско-маргианского круга конца III — середины II тыс. до н.э., где этот образ получил широкое распространение и развитие [Sarianidi 1998: 21]. Но, по-видимому, они — лишь звенья на пути миграции этого символа в Сибирь. Наиболее ранние образы «змеедержцев» известны на глиптике IV тыс. до н.э. (Тепе Гийян, Сузы, Тель Асмар) [Caldwell 1976: Fig. 116, 125; Amiet 1961: Pl. 6–118; Pl. 7–148, 151]. На амулетах и печатях из Бактрии и Маргианы антропоморфный «змеедержец» сочетает треугольный торс с головой

козла или быка, иногда он представлен в виде орла-змеяда, фланкированного вертикальными фигурами змей. Орел-змеяда — перелетная птица, и на юго-западе Туркмении, где и была расположена Маргиана, его пребывание ограничено равноденствиями [Змеяда 1986: 215], что совпадает с появлением и исчезновением змей. В целом, этот образ допустимо полагать символом равноденствий и летнего сезона, при этом сюжеты с таким естественным составом образов, как «орел-змея», неизвестны на археологических памятниках ранней бронзы Загроса (Тепе Гийян, Телль Асмар, Сузы), то есть этот образ является сугубо бактрийско-маргианской «инновацией».

Таким образом, можно полагать, что носители мифологемы «змеедержца» из Загроса (имевшего разные варианты) в силу реалий (аридная катастрофа) оказались в поисках источников стабильного водоснабжения на юго-западе Туркмении в последней четверти III тыс. до н.э. Там образ «змеедержца» получил дополнительный (природный) импульс и трансформировался. Отметим также, что древнейшие образы птиц в Сибири (Саган Заба, Шишкино) [Окладников 1959: 13; 1974: табл. 17] и на Алтае представлены водоплавающими (гуси, лебеди), изображения хищных птиц появляются позднее [Кубарев, Цвэндорж, Якобсон 2005: 72]. Но образ змеи как знаковый символ, получивший развитие в Южной Сибири, исчезает (в «классическом виде») к концу окуневской эпохи [Савинов 2007: 258–260]. В свете сказанного представляют особый интерес сюжеты с парными змеями на культовой атрибутике негидальцев и особенно нанайцев и удэгейцев, зафиксированные в конце XIX — начале XX в. [Иванов 1954: 315, 316, 347–352], неизвестные в изобразительном искусстве эвенков, эвенов и остальных тунгусоязычных народов Сибири или Дальнего Востока. Особый интерес представляет зооморфное изображение духа-покровителя («сэвэн», нанайцы, фигурка медведя с фронтально расположенными змеями) [Березницкий 2003: 209]. Нивхам сюжет «парные змеи» неизвестен. Исключительной эта ситуация не является, в искусстве нанайцев, например, образ петуха занимал очень большое место, но в быту петух им был незнаком почти до 20-х годов XX в. И. Лопатин считал,

что образ петуха принесли на Амур алтайцы (пазырыкская культура) не позднее V в. до н.э. [Loratin 1961: 866–868].

Поиск достоверных путей миграций символа «двойные змеи» в эпоху поздней бронзы — раннего железа выходит за рамки данной работы, можно лишь попытаться наметить направление поиска. В орнаментах чжурчженей есть мотивы, истоки которых восходят к скотоводам юга Сибири (например, уйгурам), вынужденным в конце IX в. спасаться от кыргызов на Амуре. Речь идет о мотиве «узел», дополненном элементами «ушки» (с боков) [Шавкунов 1990: 263], весьма похожими на змеиные головы.

Библиография

- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. СПб., 1865.
- Березницкий С. В.* Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России / отв. ред. С. В. Березницкий. Владивосток, 2003. С. 190–220.
- Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Василевич Г. М.* Ранние представления о мире у эвенков (материалы) // Исследования по вопросам первобытных религиозных верований / ТИЭ. Новая серия. М., 1959. Т. 51. С. 157–192.
- Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки XVIII — начала XX в. Л., 1969.
- Вртанесян Г. С.* Календарные мифы тунгусоязычных народов // Археолого-этнографические исследования Северной Азии: сб. ст., посвящ. 80-летию С. В. Студзицкой и М. Ф. Косарева / отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск, 2012. С. 78–83.
- Вртанесян Г. С.* Календарная символика глазковской культуры Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 112–115.
- Горюнова О. И., Новиков А. Г.* Скульптура малых форм в искусстве неолита и бронзового века Приольхонья (оз. Байкал) // Археолого-этнографические исследования Северной Азии / отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск, 2012. С. 83–90.
- Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940.
- Змеяд // Биологический энциклопедический словарь. М., 1986.
- Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири // ТИЭ. Новая серия. М., 1954. Т. 22.

Казакевич О. А. Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика. М., 2002. С. 483–497.

Конаков Н. Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 103–121.

Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Сала и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2005.

Кулемзин В. М. О хантыйских шаманах. Тарту, 2004.

Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. Новая серия. М., 1958. Т. 36.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири. Магадан, 1983.

Мазин А. И. Календарь и цикл хозяйственного года эвенков Верхнего Приамурья (конец XIX — нач. XX в.) // Этнические культуры Сибири. Новосибирск, 1986. С. 120–124.

Маркдорф Н. М. Лось в наскальном искусстве Северной Евразии: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Кемерово, 1999.

Мартынов А. И. О датировке памятников наскального искусства Сибири // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 17–24.

Михр // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2.

Млекопитающие СССР (МСССР). М., 1961. Т. 1.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Морозов А. В. К проблеме изучения искусства малых форм эпохи неолита–энеолита Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 12–19.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959.

Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975.

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.

Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала // Сб. МАЭ. Пг., 1916. Т. 3. С. 113–133.

Петрова Т. И. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Памяти В. Г. Богораза: сб. ст. М.; Л., 1937. С. 79–121.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 1–2.

Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник–2. Культура и ее окружение / сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 2006. С. 157–190.

Савинов Д. Г. Образ змея на каменных изваяниях окуневской культуры // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и Средневековья / отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск, 2007. С. 257–262.

Соколова З. П. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ. 1975. № 6. С. 143–154.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ). Л., 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.

Студзицкая С. В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 76–89.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Шаньшина Е. В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России. Владивосток, 1998.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. Т. 3.

Щеглов П. В. Отраженные в небе мифы земли М., 1996.

ЯРС 1972 — Якутско-русский словарь. М., 1972.

Amiet P. La gliptique Mesopotamienne archaïque. P., 1961.

Caldwell D. The Early Gliptic of Gawra, Giyan and Susa // *Orientalia*. 1976. Vol. 45. P. 237–250.

Lopatin Y. Animal Style Among the Tungus of the Amur // *Anthropos*. 1961. Bd. 56. S. 856–868.

Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998.

Abstract

This article is devoted to the study of peculiarities of a calendar symbols in Eastern Siberia and Amur district in the Neolithic and Early bronze, age and present time. It shows the proximity of the structure of some variants of the cosmogonic Evenk's myths and Indoeuropean 'main myth'. The roots of Siberian calendar symbol, such as 'snake holder' (or 'pair snake') might is in Transtigradian settlements (Gijan, Suza) of early bronze. There are still no direct evidence how to explain of the late emergency (19–20 century) of this symbol in the Nanai, Udege cult attributes.